

В.М.Давыдов

Латиноамериканистика нашего времени: ее истоки, результаты и ориентиры на перспективу

Латиноамериканистика вступила в пору научной зрелости. Эта коннотация справедлива и для общемирового контекста, и для отечественной практики. Результаты очевидны: десятки тысяч книжных наименований в библиографии по латиноамериканской проблематике в общемировом зачете, далеко за тысячу названий монографических изданий и тематических сборников суммарно в советском и российском случае. Благодаря этому сегодня в многодисциплинарном «научном зеркале» регион предстает во всем своем многообразии и преимущественно в адекватном свете. Но вместе с тем необходимы и новые ориентиры для поиска ответов на множество сложных вопросов, которые ставит латиноамериканская практика в обстановке глобального перехода к иному режиму воспроизводства мировой экономики и международных отношений.

Ключевые слова: Латино-Карибская Америка, латиноамериканистика, ориентиры регионоведения.

DOI: 10.31857/S0044748X0005394-2

Статья поступила в редакцию 30.04.2019.

Юбилей профильного журнала дает нам символический повод для серьезного разговора о нынешнем состоянии нашей области знаний, о ее истоках и традициях, и, конечно же, о ее основных результатах, а затем — по логической цепи — о тенденциях развития познания, которые предвосхищают интерпретацию того, что сулит будущее региона. Не менее (а скорее более) значимый мотив — смена поколений в среде латиноамериканистов. Ведь научная молодежь не может входить в профессию в роли иванов, не помнящих своего родства. Естественный долг старшего поколения — передать творческое наследие, сохранив историческую память. Именно это служит залогом преемственности научной школы. На то же основание, в конечном счете, опирается научная культура в целом.

Владимир Михайлович Давыдов — член корреспондент РАН, научный руководитель ИЛА РАН, зав. кафедрой экономического ф-та РУДН, президент Ассоциации исследователей иbero-американского мира (davydov@ilaran.ru).

Коль скоро мы взялись за такую задачу, имеет смысл очертить основные особенности нашего объекта. Прежде всего обратимся к тому, каким образом можно оценить нынешнюю степень зрелости латиноамериканистики как регионоведческой ветви современного обществоведения. Думаю, есть основания констатировать, во-первых, ее широкую **репрезентативность**, принимая во внимание наличие исследовательских центров нашего профиля в семи десятках стран за пределами латиноамериканского региона. Во-вторых, налицо богатый **научный задел**, выражающийся в библиографии, насчитывающей в общемировом зачете уже десятки тысяч наименований в монографических изданиях и тематических сборниках. Отечественный книжный список превосходит уже тысячу наименований, не говоря о множестве статей в научной периодике.

Теперь о месте латиноамериканистики в системе общественных и гуманитарных наук. Речь, разумеется, идет о принадлежности, которая очерчена кругом проблематики международного сообщества в целом. В последнее время в мировой научной и образовательной практике устоялось вполне логичное деление. Речь идет о трех ветвях: глобальной (общемировой) проблематике (*global studies, estudios globales*), региональной, имея в виду изучение отдельных макрорегионов современного мира (*area studies, estudios regionales*), и, наконец, страноведческой, относящейся к национально-государственной конкретике и специфике (*country case studies, estudios por países*). Таким образом, латиноамериканистика, с одной стороны, занимает некое **срединное положение, будучи разновидностью регионоведения**, а, с другой стороны, опускаясь в конкретную национальную среду, питает соками первичного знания оба вышестоящих «этажа». Но, понятно, на практике нет и не может быть жестких границ между ветвями изучения мирового древа. **Регионоведческая и страноведческая проблематика адекватно воспринимается и адекватно познается лишь в соотношении с процессами общемирового порядка.**

Далее, нужно напомнить о **многодисциплинарном** характере латиноамериканистики, как, впрочем, и любой другой области систематического изучения макрорегионов современного мира. Многодисциплинарен по одной очень простой причине — постольку, поскольку наша исследовательская работа ведется средствами различных инструментальных наук, в первую очередь, конечно, политологией, экономической наукой, социологией, культурологией и историей. Но, если имеется их сумма, то она превращается в механизм многостороннего познания существующих реалий, когда исследовательская работа переходит в фазу **междисциплинарности**, т.е. синтеза дисциплин. В наше время именно такая метаморфоза обнаруживает наиболее плодотворную перспективу научного анализа. Как говорится, именно тогда рождается синергия. И на этом фоне совершенно абсурдными, контрпродуктивными выглядят многочисленные перегородки, которыми ВАК, увы, отделил смежные или родственные научные специальности друг от друга, фактически поставив под запрет действительно междисциплинарные исследования на диссертационной почве. Остается надеяться, что когда-нибудь бюрократия все же образумится.

Поставив амбициозную задачу отразить современное состояние отечественной латиноамериканистики (с учетом предпосылок и с оценкой перс-

пектив) в общем контексте мировой латиноамериканистики, я отдаю себе отчет в трудности ее выполнения в формате одной журнальной статьи. Поэтому нужно предупредить читателя: речь пойдет о наиболее видимых достижениях и ориентирах, а также о пробелах или отклонениях от адекватной картины региональной действительности.

ИСТОКИ

Вспоминая об идейно-теоретических истоках отечественной латиноамериканистики, **мы не можем ограничиваться ссылкой только на марксистское наследие**, безусловно мощное и до сих пор влиятельное. Наряду с признанием его доминирования (обязательного и обязывающего) в прошлом, несмотря на интенсивную его диффамацию сегодня, мы должны согласиться, что вольно или невольно, **прямо либо косвенно мы усваивали и то, что шло от объекта исследования**. Мы неизбежно попадали под воздействие мировосприятия, выраставшего из школы Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), из мировосприятия, доминировавшего в обществоведческой практике региона с конца 40-х годов минувшего столетия. В 60-е и 70-е годы на нашем восприятии латиноамериканской проблематики сказывались построения депендентизма, а затем и сторонников миросистемной теории. И, разумеется, мы (советские и российские латиноамериканисты) не были исключением на общем фоне. Аналогичное влияние, конечно же, не могло не сказываться на мышлении наших зарубежных коллег за пределами Латино-Карибской Америки (ЛКА).

Говоря о более отдаленных истоках, мы обязаны вспомнить еще о ситуации 20-х и 30-х годов прошедшего века. И если речь идет о нашей стране (хотя не только), то не обойтись без упоминания того следа, который оставил Коминтерн, его аналитические и образовательные структуры. Тем более, что в нынешнем году отмечается столетие его основания, а среди латиноамериканистов современного поколения плодотворно работают авторитетные специалисты по тематике воздействия Коминтерна на политическую жизнь изучаемых нами стран¹. Среди них наши петербургские коллеги Л.С.Хейфец и В.Л.Хейфец.

Многие стереотипы восприятия региона довоенной поры перекочевали в послевоенную научную среду Москвы и Ленинграда, часто помогая выдавать желаемое за действительное. Однако формирование латиноамериканистики как определенной сферы систематической исследовательской работы, имеющей не только общий объект, но и некий общий идейный знаменатель, не было отгорожено железным занавесом. Вместе с тем в последнем случае бессмысленно говорить о некоем миксе. В советские времена общим знаменателем служил, конечно, официозный марксизм-ленинизм, приправленный откровениями отчетного доклада очередного партийного съезда. Таким образом в наших писаниях звучали и догматы, и ритуальные констатации. Однако проявляли себя и заметные отклонения от стереотипов. Ведь тогда приходилось и широкой аудитории, и нашим верхам доступно объяснять противоречивую латиноамериканскую действительность, которая часто не укладывалась в трафареты. Как тут не

вспомнить А.Ф.Шульговского или К.Л.Майданика?! Анатолий Федорович — талантливый интерпретатор ключевых моментов латиноамериканской истории в русле традиционного творческого марксизма. Кива Львович — нонконформист в лоне советской политологии (де-факто), нарушитель академического спокойствия с апелляцией к воззрениям неортодоксального левого марксизма.

Впрочем, отечественной латиноамериканистике вообще повезло с яркими именами ведущих протагонистов. Среди них, несомненно, — М.С.Альперович, В.В.Вольский, А.Н.Глинкин, И.Р.Григулевич, В.Б.Земсков, Л.Л.Клочковский, Б.И.Коваль, Е.А.Косарев, В.А.Кузьмищев, Н.М.Лавров, Н.С.Леонов, Я.Г.Машбиц, С.И.Семенов, А.И.Строганов, И.А.Тертерян, И.К.Шереметьев... Увы, по достоинству оценить творческий вклад каждого и всех них в одной статье нереально. Но эта оценка все же уже звучала и уверен еще неоднократно прозвучит в публикациях нового поколения латиноамериканистов.

Однако вопрос общего знаменателя может быть нами поставлен не только относительно отечественной, но и применительно к мировой латиноамериканистике. Разумеется, не в смысле построения некой «железобетонной» идейно-теоретической платформы, а с точки зрения неизбежного воздействия объекта исследований на субъекты исследовательской работы. А латиноамериканские реалии, атмосфера, преобладавшая в обществоведческой среде своего времени (от 60-х до середины 80-х годов), не давали плодородной почвы для гегемонии «мейнстрима», варьируясь в обширном диапазоне.

В освоении широкой гаммы теоретических построений, которые заявили о себе в ЛКА с начала 50-х до начала 70-х годов на почве трактовки региональной специфики общественного развития, первенствовал А.В.Шестопал². Первенствовал, разумеется, в соответствии с законами жанра по стандартам своего времени — марксистской критики «буржуазной науки». На первом этапе ему удалось охарактеризовать те воззрения, которые относятся в основном к широкому спектру национал-реформистских построений. На втором внимание акцентировалось на леворадикальных течениях обществоведения. В результате был проработан обширный пласт концептуального мышления наших визави в регионе. И это стало благодатным достоянием первых поколений советских латиноамериканистов. Очередная ступень — коллективная монография сотрудников ИЛА о вариациях националистических обществоведческих концепций и через несколько лет книга, рассматривающая основные идеологические веяния в ЛКА (обе под редакцией А.Ф.Шульговского)³. В дальнейшем — к концу 80-х и началу 90-х годов — научный интерес сместился к интерпретациям особенностей развития капитализма. В их осмыслении участвовал и автор этой статьи⁴. А затем в критико-аналитическом жанре прозвучала монография Л.С.Окуневой, посвященная течениям политической мысли в Бразилии⁵. Казалось, цикл многолетнего обозрения ключевых концепций и взглядов (включая современные трактовки) на характер общественного развития в странах региона закрывается недавней статьей В.И.Добренкова и А.И.Кравченко⁶. Однако, увы, нельзя сказать, что авторам удался финальный аккорд в деле обобщения концептуальных откровений обществоведческой литературы в ЛКА. Интерес читателя, пробужденный авансом, прозвучавшим в названии их статьи, остался неудовлетворенным.

Похоже, объяснение связано с тем, что в последние годы рассматриваемый жанр в латиноамериканистике, к сожалению, оскудел, рассыпавшись на теоретические (или претендующие на таковые) очерки в тех или иных диссертациях, по диссертационным же сюжетам. Анализ теоретических концепций, изучение движения обществоведческой мысли во многом потеряли самостоятельное значение. Между тем очевидно, что потребность в них растет с расчетом на выявление полезного для нас конструктива и на плодотворный диалог, предотвращающий теоретический застой. Сегодня принципиально важно, что критика при всем прочем обязана сохраняться, однако критиканство должно уйти из нашего обихода.

Для латиноамериканистики (отечественной и мировой) 70-е годы можно считать достаточно продуктивным десятилетием. К тому времени во многих европейских странах (на западе и востоке) и в США **латиноамериканистика в основном сложилась институционально**. Первые центры и/или институты, специализировавшиеся на латиноамериканской проблематике, возникли еще в 50-е годы (как, например, Институт высших исследований Латинской Америки при Сорбонне). Однако преимущественно их рождение относилось к 60-м, и с запозданием к 70-м годам. С того же времени стартуют и международные форумы латиноамериканистов⁷.

Основание ИЛА (первоначально на платформе АН СССР) состоялось в 1961 г., очевидным образом простимулированное революцией на Кубе и ее геополитической переориентацией на сообщество социалистических государств. Восемь лет спустя институт обрел свой печатный орган — сначала двухмесячный, а затем ежемесячный журнал, который стал носителем и популяризатором профессиональных знаний о нашем регионе, а кроме того умелым объединителем сообщества латиноамериканистов. Возглавивший журнал С.А.Микоян превратил его в интеллектуальный клуб, инициировал и энергично продвигал новые темы, приветствовал нестандартную постановку теоретических вопросов. Считаю большой удачей для себя работу в редакции журнала под руководством Серго Анастасовича.

Начало деятельности Международной федерации исследований по Латинской Америке и Карибам (*Federación Internacional de Estudios sobre América Latina y el Caribe*, FIEALC) было положено симпозиумом 1978 года. Одновременно инициаторы озаботились формированием Латиноамериканского общества исследований Латинской Америки и Карибов (*Sociedad Latinoamericana de Estudios sobre América Latina y el Caribe*, SOLAR). Но официальное учреждение обоих произошло позднее — в 1982 г. Неоспоримым лидером FIEALC стал Леопольдо Сеа — всемирно известный мексиканский обществовед, ученик испанского философа Хосе Гаоса, который в свою очередь, вышел из круга Х.Ортега-и-Гассета. SOLAR с момента его создания возглавил бразилец Дарси Рибейро, крупный социолог, внесший большой вклад в разработку проблематики цивилизационной детерминации и цивилизационного своеобразия латиноамериканских обществ. Оба объединения дистанцировались от Ассоциации латиноамериканских исследований (*Latin American Studies Association*, LASA), представлявшей в основном североамериканские школы латиноамериканистики. Время от времени отчуждение преодолевалось на личном уровне, но дистанцирование, заданное Л.Сеа и его соратниками, долго сохранялось.

Маэстро Сеа или, как его предпочитали величать коллеги, Дон Леопольдо вынашивал и последовательно реализовывал поистине стратегический план масштабной диффузии латиноамериканистики. В Национальном автономном университете Мексики (Universidad Nacional Autónoma de México, UNAM) он создал центр латиноамериканистики с международной проекцией (CICIDEL), призванный осуществлять координационную деятельность в рамках FIEALC, а с другой стороны — интернациональную школу, собрав аспирантов и стажеров из самых разных государств, которые впоследствии стали лидерами латиноамериканистики в своих странах и, можно сказать, в общемировом контексте. Среди них — Цви Медин (Аргентина), Эуфемия Павлакис (Греция), Риккардо Кампа (Италия), Орасио Серутти (Аргентина), Адальберто Сантана (Мексика). Одно время к этому кругу примыкал и Анджей Дембич (Польша), позднее отдавшей предпочтение самостоятельной роли в мировой латиноамериканистике на европейской платформе. Все они поочередно принимали эстафету организации очередных конгрессов FIEALC.

Более ранним появлением отличаются объединение европейских латиноамериканистов — Европейский совет обществоведческих исследований по Латинской Америке (Consejo Europeo de Investigaciones Sociales de América Latina, CEISAL). Годом его основания считается 1971 г. У колыбели CEISAL стояли Пьеранжело Каталано (Италия), Анри Фавр и Ромэн Геньяр (Франция), Гарри Блемор (Великобритания), Киис ден Боер (Нидерланды), Магнус Молнер (Швеция), Луш Мерси Вега (Швейцария), Ганс Альберт Штегер (ФРГ). Их интеллектуальный и политический настрой сформировался под влиянием протестной волны 1968 г. Отсюда шло их стремление к преодолению разделительных линий в Европе. И эта их принципиальная позиция обусловила в последующем подключение к CEISAL латиноамериканистов из ИЛА, которых представлял А.Д.Бекаревич — кубиновед, работавший в 80-е годы заместителем директора ИЛА.

Весомый след и добрую память в истории латиноамериканистики оставил Институт евро-латиноамериканских отношений при Европарламенте (Instituto de Relaciones Euro-Latinoamericanas), функционировавший в Мадриде. Его основателем и руководителем был в 90-е годы авторитетный немецкий латиноамериканист Вольф Грабендорф известный прежде всего своими трудами в области международной безопасности и в целом проблематики международных отношений применительно к латиноамериканскому региону. IRELA добилась впечатляющих результатов, опубликовав серию фундаментальных изданий по актуальным проблемам развития ЛКА и вопросам сотрудничества стран региона с объединением европейских государств, реализовав ряд международных исследовательских проектов по той же тематике. Нападки брюссельской бюрократии на деятельность института, фактически политически мотивированные в связи с социал-демократической приверженностью В.Грабендорфа, привели, увы, к его смещению, а затем и к ликвидации IRELA. Сам же В.Грабендорф продолжал активную работу на ниве латиноамериканистики в качестве представителя Фонда Эберта в Чили и Колумбии, а в последнее время в роли приглашенного профессора Андского университета в Эквадоре.

Серьезную роль в обществоведении стран ЛКА играют Латиноамериканский совет по общественным наукам (Consejo Latinoamericano para las Ciencias Sociales, CLACSO) и Латиноамериканский факультет по общественным наукам (Facultad Latinoamericana para las Ciencias Sociales, LACSO). Первая организация возникла в 1967 году и ныне включает 668 научных и университетских центров из 51 страны, что означает выход на широкий международный простор далеко за пределами своего региона. CLACSO использует сеть членских организаций для налаживания исследовательской кооперации специалистов разных стран. Кроме того, она нацелена на сочленение общественной науки, ее аналитических и концептуальных достижений с государственной практикой, реальной политикой. Имеет статус ассоциированной организации при ЮНЕСКО. FLACSO возник на десятилетие раньше — в 1957 году. Образован представительством 18 государств региона и осуществляет исследовательскую работу в 15 странах, сочетая исследовательскую практику с подготовкой кадров высшей квалификации в области общественных наук, занимается издательской деятельностью.

Подводя итог первому этапу становления нашего сектора науки, можно констатировать, что отечественная латиноамериканистика прошла немалый путь. 50-е и 60-е годы отмечены уточнением диагноза того, что ассоциировалось с национально-освободительным и антиимпериалистическим движением. Так отдавалась дань идеологическим установкам сверху. Казалось бы, оставалось подверстать латиноамериканскую конкретику под начальственные схемы. Но такой механизм действовал не всегда, оставляя ниши для творческого подхода.

Выступая в самом первом номере журнала, В.В.Вольский, член-корреспондент АН СССР, многолетний директор нашего института с удовлетворением оценил сложившийся к тому времени задел: «Советская латиноамериканистика, — отмечал он, — одна из самых молодых отраслей общественных наук в нашей стране, достигла в последнее время значительного развития». Причину В.В.Вольский связывал с созданием в системе Академии наук СССР Института Латинской Америки, что «позволило значительно расширить круг рассматриваемых тем, заложить основу для комплексного изучения Латинской Америки»⁸. Пользуясь случаем, хотелось бы отдать должное памяти этого маститого ученого. Ему принадлежала ключевая роль в становлении (научном и институциональном) отечественной латиноамериканистики, в формировании ее международных связей. Своим нынешним потенциалом, уникальными библиотечными фондами, самой научной школой институт во многом обязан ему, его усилиям на протяжении четверти века — во время его директорства, начиная с 1964 года.

Сегодня мы не вправе обойти вниманием тот определяющий факт, что Кубинская революция стала мощным импульсом для научного осмысления латиноамериканской действительности. После нее в обществоведческую трактовку начали вноситься коррективы, повышая оценки «революционной зрелости» стран региона. Вполне логично, что в этом контексте советские латиноамериканисты взялись за изучение степени и характера развития капитализма в странах региона. А это, в свою очередь, подтолкнуло к углубленному изучению социальной структуры латиноамериканских об-

шеств, которое в ИЛА масштабно проводилось под руководством А.Ф.Шульговского. В то время доминировали взгляды, отдававшие приоритет категориям зависимости и отсталости. Отсюда выводилась концепция зависимого капитализма, которой придерживались В.В.Вольский, И.К.Шереметьев, Л.Л.Клочковский и их коллеги из числа экономистов ИЛА. В полемику с ними вступили ее критики — те, кто считал, что Латинская Америка переросла качество «зависимого капитализма» и ее теперь следует характеризовать с позиций «среднеразвитого капитализма». На этом настаивали В.Л.Шейнис и его коллеги по ИМЭМО. Были и те (и среди них автор этой статьи), кто апеллировал к многовариантности развития стран региона, к тому, что на практике существенные различия в уровне экономического и социального развития отдельных государств региона могут означать преобладание признаков либо первой, либо второй ситуации⁹.

Переход из советского в российское время болезненно проявил себя в отечественной науке, не исключая, разумеется, и латиноамериканистику. Как и следовало ожидать, в процессе пресловутой «деидеологизации» усилился крен в прагматику, в эмпирический анализ. Правда, значительно расширился тематический диапазон исследований. Вместе с тем восторжествовала методологическая эклектика. В моду вошла компаративистика, которая реагировала на сближение проблематики развития в российской практике и латиноамериканских реалиях. В обстановке резкого сокращения финансирования науки, падения социального статуса ученых, воцарившейся неуверенности в завтрашнем дне происходило неизбежное ослабление публикационной активности. Адаптация к новым условиям достигалась медленно и трудно, фактически затянувшись на полтора десятилетия.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Авансируя разговор о современном состоянии латиноамериканистики, мы констатируем ее относительную зрелость (и на общемировом фоне, и применительно к отечественной школе). Это не значит, что мы, во-первых, недооцениваем относительность этой зрелости, а, во-вторых, не видим еще непреодоленных слабостей анализа и изъянов в нашем исследовании латиноамериканской действительности.

Принципиально важно то, что современная латиноамериканистика серьезно продвинулась в освоении глобальной проблематики, имея в виду **отражение общемировых процессов в тенденциях развития на региональном и национальном уровнях**. В недрах современной латиноамериканистики прозвучали тезисы об асимметричности глобализации, о том, что у нее нет однозначного тренда лишь в сторону унификации экономического и социально-политического пространства. Латиноамериканистика признала возможность и объективность торможения глобализации, а на ряде направлений даже движения вспять. Об этом разработки боливийского ученого и известного политического деятеля Альваро Гарсиа Линеры. В Москве на это отреагировали с пониманием предложенных аргументов¹⁰.

Отечественная латиноамериканистика своевременно обратилась к арсеналу **цивилизационного подхода** (цивилиографии), плодотворно применив его к особенностям эволюции социально-экономических и социокульту-

турных структур в регионе. В 90-е годы новаторски прозвучала концепция «пограничной цивилизации»¹¹. Затем было обосновано предложение трактовать многовариантность развития латиноамериканских стран с опорой на категорию цивилизационной матрицы¹².

На финале советского времени в ИЛА в работе над долгосрочными прогнозами социально-экономического развития обратились к достижениям длинноволновой теории, к тому, что в конечном счете реализовалось в концепциях **макrocиклической динамики**. Заслуживает особого внимания фундаментальный труд А.В.Бобровникова о цикличности в развитии латиноамериканских экономик¹³. Во-первых, на вековом статистическом материале им было показано и доказано проявление в экономиках ЛКА **длинноволновых перепадов** определенной регулярности. Во-вторых, оценены и охарактеризованы особенности их осуществления в регионе, включая фазовое запаздывание.

Российские латиноамериканисты были среди инициаторов изучения **последствий неравномерности мирового развития**, усилившейся на рубеже двух веков¹⁴. Была обоснована объективность появления клуба «восходящих гигантов». Обращаясь к перспективам перехода к полицентричности, российские латиноамериканисты оценивали шансы вхождения ведущих государств региона в группу новых центров силы и влияния¹⁵.

Рассматривая тему **полицентричности** применительно к сегодняшней конъюнктуре, следует признать недооценку нами потенциала противодействия восхождению альтернативных центров со стороны «коллективного Запада» и переоценку нашего собственного потенциала. С другой стороны, мы слишком однозначно воспринимали содержание полицентричности и движение к ней. Речь ведь не только о доминирующих центрах (старых и новых), но и о своего рода субцентрах, региональных державах. Иными словами, речь должна и может идти о своего рода **диверсификации ведущих протагонистов мировой экономики и мировой политики**. Возникновение иерархизированных (эшелонированных) противовесов расширяет диапазон маневра для малых и средних государств. Правда, иногда этому может препятствовать блоковая структура. Кстати, нынешняя политика Вашингтона, персонифицированная Дональдом Трампом, направлена как раз на то, чтобы перекрыть возможности для реализации шансов «маневрирования».

Вполне объяснимо переключение внимания российских латиноамериканистов на **опыт неолиберальных реформ** в странах региона, раньше нас вступивших в этот трансформационный процесс. И 90-е годы демонстрируют обильную библиографию по указанной проблематике. Впрочем, интерпретация экономических и социальных реформ 80-х и 90-х годов — столь же обязательная тема наших зарубежных коллег на исходе века. Но, разумеется, в ином ракурсе по сравнению с установками российских исследователей. Работа наших зарубежных коллег была нацелена на оценку эффекта, на определение издержек и адекватности преобразований национальным условиям конкретных стран. Из подобных разработок вытекали обобщающие трактовки — о **реформах двух поколений**. Первое поколение — преобразования, направленные прежде всего на первичную макроэкономическую стабилизацию, на либерализацию (дерегулирование) и

приватизацию, второе — на структурную перестройку экономик, на адаптацию государства и бизнеса к новым «правилам игры».

При этом и у нас, и за рубежом произошла своего рода **мистификация «вашингтонского консенсуса»**, который во многих случаях подавался почти что как демиург имперской глобализации. Всех так впечатлил этот образ, это расхожее клише, что просто забыли о его действительном происхождении. А оно изначально было связано с работой периодического семинара, созывавшегося Джоном Вильямсоном (английским экономистом, осевшим в США) и Педро Пабло Кучинским — перуанским экономистом, впоследствии ставшим президентом Перу, претерпевшим импичмент, а ныне находящимся под арестом, хотя и по мотивам, не имеющим отношения к пресловутому «консенсусу». На дебаты в рамках вашингтонского семинара слетались «яйцеголовые» из многих стран континента. Они задались целью по итогам дебатов и критического анализа практики «ajuste» (экспериментирования с различными вариантами выправления экономического механизма, предпринимавшимися в странах ЛКА на протяжении 80-х годов) сформулировать некую рецептуру развития применительно к изменившимся условиям глобального и регионального порядка. И такой итоговый рецепт был представлен на очередной встрече в Вашингтоне в 1989 году, состоявший из десятка рекомендаций, в основе которых оказались дерегулирование экономики и приватизация госактивов¹⁶.

Последнее десятилетие было, несомненно, плодотворным для экономистов ИЛА. Им удалось освоить причины и последствия в ЛКА глобального экономического кризиса 2008—2009 г.г., практику экономической модернизации последнего времени, продвижение по пути формирования в странах ЛКА современной кредитно-банковской сферы, начала перехода на инновационный путь развития, опыт участия латиноамериканских стран в системе ВТО¹⁷.

Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК) назвала 80-е годы «потерянным десятилетием». И это соответствует действительности, принимая в расчет исчерпанность модели импортзамещающей индустриализации, издержки затяжного кризиса внешних расчетов (долгового кризиса), общее расстройство системы экономического воспроизводства, неудачи политики «ajuste», соответствующую практику проб и ошибок и т.д. Тем не менее указанная формула игнорировала креативный политический процесс того же времени, связанный с демонтажом авторитарных структур и диктаторских режимов, с утверждением институтов электорального представительства в большинстве латиноамериканских и карибских государств. И этот процесс стал объектом пристального внимания для многих российских и зарубежных политологов. Осуществление **демократического транзита**, превратности соответствующей институциональной перестройки, освоение электоральных процедур — все это получило широкое освещение в научной литературе и зарубежных, и российских латиноамериканистов. Итогом разработки этой проблематики в ИЛА РАН стали монографические издания, выпущенные коллективом центра политических исследований под руководством М.Л. Чумаковой и З.В. Ивановского¹⁸.

В политологической фракции латиноамериканистов время «левого поворота» в регионе (или «левого дрейфа») не могло не привести к соответствующему развороту в публикационной активности. В большинстве слу-

чаев признано, что этот феномен во многом объясняется превышением порога терпимости низов, а также части средних слоев относительно завышенных социальных издержек в ходе неолиберальных экспериментов. С другой стороны, признана способность левой политической культуры к циклическому воспроизводству, что произошло удивительно синхронно и вполне объективно после глубокой фрустрации 90-х годов в силу потери советского ориентира¹⁹. Немало копий сломано в полемике по поводу реального смысла и реального значения концепции «социализма XXI века». Ее сторонники твердо держались в полемике с праволиберальными критиками, но их в конечном счете подвела собственная практика нахождения у кормила власти.

Весомы результаты в изучении **проблематики безопасности**. Здесь есть все основания говорить о позитивной повестке в практике международной деятельности латиноамериканских и карибских государств. Публикации профессора Б.Ф.Мартынова и его коллег по политологическому «цеху» констатировали переговорную дееспособность и дипломатическую культуру государств региона в подходах к урегулированию межстрановых конфликтов, в поиске согласованных решений мировых проблем. Иными словами, было заявлено и доказано, что страны ЛКА обладают немалым креативным потенциалом позитивного воздействия и на общемировую, и на собственно внутрирегиональную повестку²⁰. К вышеуказанной проблематике примыкает эволюция межамериканской системы. Внимание специалистов ИЛА РАН традиционно привлекалось к тому, каким образом изменение роли и веса США влияет на содержание их отношений с латиноамериканскими соседями. Похоже время макропроектов, амбициозных доктрин в латиноамериканской политике Вашингтона прошло. Налицо ее прагматическое «заземление». Как подчеркивал профессор В.П.Сударев, попытка развернуться к региону и его ожиданиям на финале мандата Барака Обамы не могла перекрыть дефицит конструктивного сотрудничества на протяжении нескольких десятилетий²¹.

На этом фоне вполне объяснимо переключение внимания латиноамериканцев на позиционирование других ключевых протагонистов. Речь, разумеется, должна идти о роли Евросоюза²², внушительно представляемого в регионе Испанией, о все более весомом китайском факторе и восходящем тренде в присутствии России и Индии, а также — в последние годы — Турции и Ирана, наведение мостов в страны арабского мира и Юго-Восточной Азии. Короче говоря, практика все больше указывала на **прогрессирующую диверсификацию внерегиональных связей** стран ЛКА.

Казалось бы, в этих условиях проблематика **внутрирегионального сотрудничества** стала терять позиции в рейтинге научного внимания как в зарубежной, так и в отечественной латиноамериканистике. Возобновление интереса следует связывать со временем «левого поворота», когда на латиноамериканской авансцене прозвучали инициативы по созданию структур, нацеленных на активизацию регионального и субрегионального взаимодействия, на усиление коллективной переговорной мощи, в частности, в контексте стремления к утверждению принципов мультилатерализма, который в известной мере воспринимался в ЛКА как синоним многополярности. Кризис интеграционных образований первого поколения и новообразований, относящихся ко времени «левого поворота», сопровождался по-

явлением антитезы «открытого регионализма», противопоставляемого «закрытому» регионализму, что, казалось, соответствовало фазе интенсивной глобализации на мировом уровне²³.

Участие **исторической** науки, особо тесно связанной с преподавательской деятельностью, традиционно было масштабным, охватывая соответствующую тематику ведущих стран региона. Менее значительным представляется внимание к малым странам ЛКА со стороны авторов из самих этих стран и внерегиональных зарубежных исследователей. В отечественной латиноамериканистике особое место заняло завершение издания монументальной пятитомной истории стран региона и переход к углубленному рассмотрению тех государств, которые до сих пор оставались за «бортом» научного внимания²⁴.

Надо сказать, что **культурологическое поле** в зарубежной латиноамериканистике традиционно было много обширнее отечественного. Вместе с тем в нашем случае отрадно отметить постоянно нарастающий арсенал профессиональных знаний в русле изучения основных творческих жанров, что в итоге создавало основу для крупных обобщений, ведущих к пониманию этапности, содержания культурогенеза, эффекта региональной общности и проявлений национальной специфики. Осью исследований культурологов ИЛА РАН руководимых ныне Н.С.Константиновой, стала разработка темы креативного присутствия культуры в феномене национальной идентичности, ее обусловленности всем контекстом развития национальной и в целом латиноамериканской культуры, ее общерегиональным синтезом²⁵.

Особо значимый компонент культурогенеза — литературный процесс, давший мощные всходы в странах ЛКА и оказавший за последний век заметное воздействие на мировую культуру. Именно он чаще всего попадает в фокус внимания исследователей-латиноамериканистов в самом широком географическом диапазоне — от Греции до Норвегии или даже Марокко. Наши литературоведы находятся в авангарде исследований своего профиля, издавая фундаментальные труды по истории латиноамериканских литератур и опираясь при этом на методологию цивилизационного подхода, позволяющего увидеть и обрисовать поле духовной самобытности латиноамериканских литератур²⁶.

В практике построения исследовательских центров латиноамериканистики разного типа и разной ведомственной принадлежности встречаются два варианта географического расширения сферы действия. В одном случае латиноамериканистика сопрягается с американистикой. Так произошло с парижским институтом, который вошел в состав объединенного Института Америк при сохранении оперативной самостоятельности. На этот путь его вывел прежний директор, а ныне министр образования в правительстве Макрона Жан-Мишель Бланке. В нашем случае мы пошли **«иберо-американским курсом»**, распространив профессиональные интересы на Испанию и Португалию. Логика очевидна: во-первых, иберо-американское сообщество с активным (и можно сказать инициативным) участием Испании и Португалии превратилось в значимый фактор современных международных отношений, во-вторых, оба иберийских государства служат своего рода соединительным мостом в отношениях Евросоюза и ЛКА, в-третьих, иберийский компонент — весомая (можно сказать системообразующая) часть цивилизационного облика латиноамериканских обществ. Наконец,

сугубо конкретное обстоятельство — наличие в ИЛА кадров, профессионально подготовленных для аналитической работы по проблематике Испании и Португалии. Центр иберийских исследований, действующий под руководством П.П.Яковлева второе десятилетие, акцентировал внимание на опыте демократизации двух стран после десятилетий диктаторского правления, на опыте вхождения в интегрированную экономику Евросоюза, особенностях устройства парламентарной монархии и «государства автономий» в Испании. Во многих публикациях сотрудников центра отдана дань компаративистике — сравнительному анализу проблематики развития иберийских стран и современной России. И делается это на двусторонней основе, имея в виду ежегодный российско-испанский симпозиум, который проводится попеременно в нашей стране и Испании.

Наконец, мы вправе констатировать постоянный мониторинг и систематичность проведения аналитической разработки разнообразной тематики **российско-латиноамериканских отношений**. Библиография по этой тематике традиционно обширна в периодической печати. Отдельными изданиями эта тематика представлена в страновой аналитической серии «Саммит», выпускаемой нашим институтом последние полтора десятилетия.

НОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ

Сегодня вполне очевидно, что проблематика наших исследований связана прежде всего со всеобщим процессом втягивания мирового сообщества в беспрецедентный (по глубине и охвату) переход, ведущий к смене самой парадигмы и даже кода развития, к иному режиму воспроизводства экономики, общества и международных отношений. Тематика и жанры наших исследований могут различаться, но учет соответствующего глобального эффекта (в его региональном ракурсе) в любом случае обязателен и, пожалуй, неизбежен.

Усложнение общей картины мира и региона, конечно, потребует внимания к соответствующим глобализационным процессам, но не только к одноподнаправленным, но и к тем, которые способны вызвать торможение либо даже движение вспять, что уже сказалось на сегодняшней политике североамериканского гегемона, вызвав цепную реакцию протекционизма в других ипостасях и резко осложнив ситуацию на мировом рынке.

Исследования, начатые в ИЛА РАН при подготовке и издании коллективной монографии, посвященной старту инновационной практики в странах ЛКА, должны приобрести больший масштаб и дополнительный импульс, ориентируясь на технологический императив глобального перехода. Специфика постановки вопросов по этой теме связана прежде всего с осмыслением в ЛКА содержания задач по реализации системного перехода. Ведь по существу речь в данном случае идет о **переходе в переходе**, о необходимости преобразования укладов новой и прежней (доинформационной) эпохи параллельно и синхронно. И это заслуживает первостепенного внимания в нашей перспективной работе.

В быстроменяющемся геополитическом и политическом контексте региона стратегически (или просто жизненно) важно определить своего рода **общий знаменатель в приоритетах развития**, в ключевых ценностных

ориентирах. И эта стержневая задача в условиях возросшего разброса политических предпочтений, спонтанной смены ориентиров массового сознания, наконец, в силу частых искажений в восприятии действительности в духе правоконсервативного популизма будет в ЛКА определять нынешнюю повестку и последующий ход исторического движения, а также возможность достижения сбалансированности действия основных факторов, с одной стороны, и основных общественно-политических сил — с другой.

В этом контексте все большее признание получает **идея устойчивого развития**²⁷, но теперь уже не в традиционном понимании — в рамках отношения человека и природы, а в широкой трактовке, охватывающей сферу экономики, общества, культуры (также в широком смысле) и международного сотрудничества. И это именно то, что может обеспечить прогрессирующее продвижение к поиску консенсуса с минимизацией деструктивных последствий конфронтации. А применительно к самой латиноамериканистике речь идет о появлении новой концептуальной платформы углубления регионоведческих исследований. При этом опора на междисциплинарность и междисциплинарность регионоведческого потенциала латиноамериканистики позволит выходить на комплексную разработку перспектив выхода стран региона на траекторию приоритетов устойчивого развития.

Как отмечалось выше, латиноамериканистика активно откликалась на постановку вопроса о смене биполярного миропорядка ситуацией **полицентричности**. События последних лет убеждают в том, что при сохранении обозначившейся тенденции нет однолинейного движения. Существуют отклонения, вызывающие ее торможение либо изменения в повестке взаимодействия новых центров влияния. Как заметил один из наших индийских коллег Самир Сарах, представляющий Observer Foundation (один из известных «мозговых центров» своей страны), многополярность уже проявила себя на практике, но пока она еще дисфункциональна. Значит ключевой вопрос в том, чтобы обеспечить ее функциональное приложение.

Уместно напомнить ремарку члена-корреспондента РАН О.Н.Быкова, корифея изучения системы международных отношений. Еще на старте проявления и изучения рассматриваемого феномена он подчеркивал: «Аргументы «за» или «против» многополюсности беспредметны. Нельзя рассматривать международные отношения как податливый материал, которому можно придать ту или иную желаемую форму. Структурное переустройство объективно обусловлено и мало зависит от субъективных политических установок и специфических интересов государств. Нравится или не нравится кому-то многополюсность, на сегодня и на обозримое будущее ей нет альтернативы»²⁸.

Латиноамериканистика несомненно будет участвовать в разработке обозначенной темы. Ей есть что сказать по данному поводу не только потому, что в ее ареале содержится соответствующий эмпирический материал (по крайней мере в отношении Бразилии). Сегодня мы более отчетливо понимаем: **нельзя представлять феномен наступления полицентричности односложно** — лишь как расширение круга доминирующих центров либо как замещение одних центров другими на Олимпе глобального регулирования. Практика последних лет указывает на то, что перемещения на «верхних этажах» провоцируют цепные реакции по всей вертикали миро-

вой иерархии, меняя ролевые функции и вовлекая в детерминацию мирового расклада те субъекты, которые не относятся к категории первой величины. Среди них весомо присутствуют региональные державы. Вместе с тем перестановка, перегруппировка порой существенно увеличивает диапазон маневра на мировой арене даже для малых государств, выбирающих альтернативные варианты международного сотрудничества. Тем больше шансов у тех государств, которые попадают в магнитное поле ключевых глобальных процессов либо в осевую полосу противоборства и соперничества основных центров силы.

Политологам, работающим на ниве латиноамериканистики, предстоит **сменить пластинку право-левой дихотомии** и оперировать гораздо более тонким инструментом, улавливающим расклад политических сил и веяний по другим осям. По существу, требуется картина в формате 3D, т.е. в трех измерениях, а значит объемная, а не плоская. По-видимому, в первом приближении дополнения могут откладываться по шкале авторитаризм — либерализм, а также национализм — интернационализм.

Отходя от интерпретации демократического транзита и прихода к осмыслению превратностей утверждения и вызревания демократической институциональности, мы не должны пренебрегать дефинициями хорошо понимаемыми латиноамериканцами, но пока слабо воспринимаемыми русским ухом. Речь о различиях, вкладываемых в понятия «dictadura» и «dictablanda». Наконец, технологии институционального действия в новых условиях, причем при возможности использовать мощные средства информационного влияния, ведут к тому феномену, который в странах ЛКА начали именовать «демокрадурой», т.е. системой власти при которой под прикрытием демократических процедур (часто с опорой на конституционные нормы) осуществляются авторитарные либо волевые политически мотивированные решения, либо действия, направленные на политическое уничтожение оппонентов. Впрочем, такая метода сегодня широко опробована и в сфере бизнеса. Не случайно юридические департаменты или подразделения крупных корпораций, отвечающие за лоббирование и, откровенно говоря, коммерческий шпионаж, сегодня часто превосходят другие, традиционно ключевые структуры и по бюджетам, и по используемым кадрам. Все это невозможно игнорировать и при политологическом анализе, и при изучении экономической практики, имея в виду то, что субъекты этой практики в странах ЛКА становятся жертвами «новой методы». Обозначенная реальность прямо относится к эффекту «подспудных» процессов, которые рассмотрены выше. Адекватный учет этих обстоятельств позволяет обеспечить и комплексность, и достоверность нашей диагностики.

Следует признать, что до сих пор латиноамериканистика в большинстве случаев уходила от серьезного рассмотрения **институциональных аспектов развития**. И дело не только в трактовке институтов как таковых (государства, армии, церкви и т.п.). Негоже вслед за другими повторять расхожие тезисы о слабости институтов в ЛКА и о том, что отсюда проистекает имманентная отсталость²⁹. Речь теперь должна идти о другом — о переносе политического противоборства и соперничества в институциональную среду, об императивах ее модернизации, об адаптации крайне инертного

(до сих пор) института государства к условиям грядущего этапа, прежде всего к обществу оцифрованной экономики.

Говорят: новое — хорошо забытое старое. Полагаю, это имеет отношение и к упомянутому сюжету. На предыдущем этапе в латиноамериканистике уделялось большое внимание таким традиционным институтам как армия и церковь. Существенно изменившийся общественный контекст однозначно ставит вопрос о новом прочтении этой тематики. Немало симптомов того, что вооруженные силы вновь принимают (или вынуждены принимать) роль арбитра при возникновении патовых ситуаций в отношениях противоборствующих сторон. Другой случай — вовлечение высшего офицерства в выполнение управленческих функций в гражданском секторе. Религиозная жизнь в наше время характеризуется отступлением католичества и активизацией протестантских церквей, прежде всего евангелистов, которые, как показывает недавний пример Мексики, Бразилии и Коста-Рики, решительно вступают на тропу политики.

Очевидно, придется вернуться к теме **социальной стратификации**, в полной мере осознавая существенные изменения в структуре латиноамериканских обществ. Иногда представляется, что, отказываясь от классовой теории, мы с грязной водой выплеснули из ванны младенца. Без понимания последних сдвигов в составе социума тщетны усилия по диагностике экономической и политической ситуации, тщетны прогностические построения долгосрочного порядка. В современном контексте **изменение механизмов формирования правящих элит**, появление в них новых фракций, меняющих внутреннее соотношение сил, — ключевая тема предстоящих исследований, помогающих понять причинно-следственные связи поведения власти или восходящих субъектов внутренней и внешней политики стран региона.

В отечественной латиноамериканистике практически отсутствует **гендерная тематика** и тема защиты прав сексуальных меньшинств, которые охватывают все больший сегмент публикационной активности за рубежом, в общественных науках вообще и в латиноамериканистике в частности, в дискуссиях на международных конгрессах и симпозиумах. Можно воздерживаться от этой тематики принципиально, лишая ее научного признания, но в любом случае такая позиция (вернее отсутствие позиции) будет восприниматься как попытка спрятать голову в песок. Думаю, пора вынимать ее из песка и понимать, что на самом деле под прикрытием толерантности и политкорректности происходит намеренное отвлечение внимания от социальных противоречий и переключение их на противоречия гендерные, на «героическую» защиту прав ЛГТБ сообщества. И это, увы, все более характерно для представителей левого лагеря. Похоже они совершили фаустовскую сделку еще в 70-е годы, стремясь продемонстрировать свою «прогрессивность». А тем временем сегодняшние правые, вернее правые популисты идут в противоположном направлении, берут на вооружение защиту традиционных консервативных ценностей. И в этом все чаще обнаруживаются совпадения с нашим официальным дискурсом.

Реагируя на смену демографических трендов в их этнорасовом распределении и на рост прецедентов выхода на политическую арену автохтонных народов, российские латиноамериканисты предпринимали разрозненные попытки изучения **«индейского вопроса»**. Перспектива событий в ре-

гионе с неизбежностью будет связана с воспроизводством индейского ре-
нессанса в расширенном масштабе. Отсюда однозначно следует вывод о
необходимости подключения к этой теме дополнительных сил и средств.
При этом пора, наконец, отказаться от стереотипа «индейцы» примени-
тельно к десяткам этносов со своими языками, традициями, верованиями,
среди которых мощные многомиллионные народы — кечуа, майя, аймара,
гуарани. И вместе с тем придется выйти из антропологического или этно-
логического круга для того, чтобы адекватно представить их современное
бытие, специфику включения в общий социум, в национальную экономику
и даже в международные отношения.

Наверное, в дальнейшем нам не уйти от погружения в **изучение «под-
спудных» процессов**. Специалисты ИЛА РАН уже имеют немалый задел.
И выше уже упомянут выход в свет монографии, посвященной экспансии и
транснационализации оргпреступности на латиноамериканской почве³⁰. Но
спектр подспудных процессов и факторов шире. Понимая, что «подспуд-
ные» процессы обретают все большую способность корректировать про-
цессы «надспудные» (формализованные и видимые), придется обратить на
них систематическое внимание. Уж если мы хотим достоверности для на-
шего общего диагноза.

Как хорошо видно, в статье представлена картина развития латиноаме-
рианистики в тематическом ключе или же с позиции ориентации на ту
или иную проблематику. В этом случае за рамками внимания остались
страноведческие исследования, которые составляют весомую часть общего
достояния современной латиноамериканистики. О ее весе говорит библио-
графия многих лет, по существу полувековая. Но эта область нашей рабо-
ты, да простят меня коллеги, плодотворно занимавшиеся страновой про-
блематикой, требует отдельного описания. Уверен, что и она найдет своих
профессиональных комментаторов в обозримой перспективе. Другое де-
ло — дань признания тем, кто связал свою судьбу с поприщем научной
журналистики в орбите латиноамериканистики. Без них древо жизни лати-
ноамериканистики не зеленело бы и не будет зеленеть. Как тут не вспо-
мнить с благодарностью преемников С.А.Микояна — В.Н.Крестянинова, в
свое время принявшего эстафету главреда, и И.К.Шатуновскую, беском-
промиссно преданную делу пропаганды латиноамериканской культуры.
Обязательно вспомним Хуана Кобо, руководившего испанским изданием
журнала. И, конечно, пожелаем многих сил и твердости в отстаивании дела
журнала его нынешнему главному редактору В.Е.Травкину, его коллегам
по редакции.

Полагаю, что на пути тематического и концептуального обновления ла-
тиноамериканистика сможет существенно нарастить свой вклад в совокуп-
ную «копилку» общественных наук. ¡Ojalá!

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ Л.С.Хейфец, В.Л.Хейфец. Российская революция, Коминтерн и Латинская Аме-
рика. М., Наука, 2018. [L.S. Hejfec, V.L. Hejfec. Rossijskaya revolyuciya, Komintern i Latin-
skaya Amerika] [Russian Revolution, Comintern and the Latin America]/ Moscow, Nauka, 2018;
Л.С.Хейфец, В.Л.Хейфец. Коминтерн и Латинская Америка: люди, структуры, реше-
ния. М., Политическая энциклопедия, 2019. [L.S. Hejfec, V.L. Hejfec. Komintern i Latinskaya

Amerika: lyudi, struktury, resheniya.] [Comintern and the Latin America: the people, the structure, the decisions]. Moscow, Politicheskaya enciklopediya, 2019.

² А.В.Ш е с т о п а л. Миражи Эльдорадо в XX веке. Критические очерки буржуазной социологии в Латинской Америке. М., Мысль, 1974. [A.V. SHestopal. Mirazhi El'dorado v XX veke. Kriticheskie ocherki burzhuaznoj sociologii v Latinskoj Amerike] [Mirages of Eldorado in XXth century. Critical essays on bourgeois sociology in Latin America]. Moscow, Mysl', 1974; А.В.Ш е с т о п а л. Леворадикальная социология Латинской Америки. Критика основных концепций. М., Мысль, 1981. [A.V. SHestopal. Levoradikal'naya sociologiya Latinskoj Ameriki. Kritika osnovnyh koncepcij] [Left-wing radical sociology of Latin America. Criticism of basic concepts]. Moscow, Mysl', 1981.

³ Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения. (А.Ф.Шульговский, Э.С.Дабагян, И.Е.Шокина и др.). М., Наука, ИЛА АН СССР, 1976. [Nacionalizm v Latinskoj Amerike: politicheskie i ideologicheskie techeniya. (A.F.SHul'govskij, E.S.Dabagyan, I.E.SHokina i dr.)] [Nationalism in the Latin America: political and ideological movements]. Moscow, Nauka, ILA AN SSSR, 1976; Современные идеологические течения в Латинской Америке / Отв. ред. А.Ф.Шульговский. М.: Наука, 1983. [Sovremennye ideologicheskie techeniya v Latinskoj Amerike / Otv. red. A.F. SHul'govskij] [Actual ideological movements in the Latin America. Ed. A.F. Shulgovski]. Moscow, Nauka, 1983.

⁴ В.М.Д а в ы д о в. Латиноамериканская периферия мирового капитализма: Очерки социально-экономического развития. М., Наука, 1991. [V.M. Davydov. Latinoamerikanskaya periferiya mirovogo kapitalizma: Ocherki social'no-ekonomicheskogo razvitiya] [V. Davydov. Latin American Periphery of World Capitalism: Essays on Socio-Economic Development.]. Moscow, Nauka, 1991.

⁵ Л.С.О к у н е в а. Политическая мысль современной Бразилии: теории развития, модернизации, демократии. Феномен поставторитарного развития: опыт Бразилии и его значение для России. В 2-х томах. М., ИЛА РАН, 1994. [L.S. Okuneva. Politicheskaya mysl' sovremennoj Brazilii: teorii razvitiya, modernizacii, demokratii. Fenomen postavtoritarnogo razvitiya: opyt Brazilii i ego znachenie dlya Rossii. V 2-h tomah.] [Political Thinking of Modern Brazil: Theory of Development, Modernization, Democracy. The phenomenon of post-authoritarian development: Brazil's experience and its significance for Russia.]. Moscow, ILA RAN, 1994.

⁶ В.И.Д о б р е н ь к о в, А.И.К р а в ч е н к о. Латинская Америка: метрополия и периферия мировой социологии. *Латинская Америка*, 2018, № 5, с. 39-52. [V.I. Dobren'kov, A.I. Kravchenko. Latinskaya Amerika: metropoliya i periferiya mirovoj sociologii.] [The Latin America: the Metropolis and the Periphery of the World of Sociology]. Latinskaya Amerika, 2018, № 5, p. 39-52.

⁷ Foro Mundial "El aporte de Latinoamérica al universo del siglo XXI". Guia general. FIEALC-ILA de ACR, Moscú, 2001.

⁸ Анкета ЛА-69. *Латинская Америка*, 1969, №1, с. 106-108. [Anketa LA-69] [Profile LA-69]. Latinskaya Amerika, 1969, №1, p. 106-108

⁹ Как оценивать особенности и уровень развития капитализма в Латинской Америке? *Латинская Америка*, 1979. № 1-2. с. 53-101. [Kak ocenivat' osobennosti i uroven' razvitiya kapitalizma v Latinskoj Amerike?] [How to Assess the Characteristics and Level of Development of Capitalism in the Latin America]. *Latinskaya Amerika*. 1979. № 1-2. p. 53-101.

¹⁰ Магистральная лекция А.Гарсиа Линеры на конгрессе FIEALC. Белград, 2017; А.Г а р с и а Л и н е р а. Глобализация мертва. *Латинская Америка*, 2017. № 6. с. 28-32. [A. Garsia Linera. Globalizaciya mertva] [A. Garcia Linera. Globalization is Dead]. *Latinskaya Amerika*. 2017. № 6. p. 28-32.

¹¹ Я.Г.Ш е м я к и н. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., Наука, 2001. [YA.G. Shemyakin. Evropa i Latinskaya Amerika: vzaimodejstvie civilizacij v kontekste vseмирной istorii] [The Europe and the Latin America: Interaction of Civilizations in the Context of World History.] Moscow, Nauka, 2001; Я.Г.Ш е м я к и н. И вновь о Латинской Америке, одновременно единой и многообразной. *Латинская Америка*, 2017, № 3. с. 5-14. [YA.G. Shemyakin. I vnov' o Latinskoj Amerike, odnovremennno edinoj i mnogoobraznoj] [About the Latin America Once Again, Unified and Diverse at the Same Time]. *Latinskaya Amerika*, 2017, № 3. p. 5-14.

¹² В.М.Д а в ы д о в. Цивилиография и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки. М., ИЛА РАН, 2006. [V. Davydov. Civilioografiya i civilizacionnaya iden-

tifikaciya Latino-Karibskoj Ameriki] [Civiliography and the Civilizational Identificaton of the Latin America and Caribbean Basin] Moscow, ILA RAN, 2006.

¹³ А.В.Б о б р о в н и к о в. Макроциклы в экономике стран Латинской Америки. М., ИЛА РАН, 2004. [A.V. Bobrovnikov A.V. Makrocikly v ekonomike stran Latinskoj Ameriki] [The Macrocycles in the Economies of the Latin America] Moscow, ILA RAN, 2004.

¹⁴ В.М.Д а в ы д о в, А.В.Б о б р о в н и к о в. Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике (шансы Бразилии и Мексики в глобальном измерении). М., ИЛА РАН, 2009. [V.M. Davydov, A.V. Bobrovnikov. Rol' voskhodyashchih gigantov v mirovoj ekonomike i politike (shansy Brazilii i Meksiki v global'nom izmerenii)] [The Role of Rising Giants in the Global Economy and Politics (the Chances of Brazil and Mexico in the Global Dimension)] Moscow, ILA RAN, 2009.

¹⁵ См. Россия в полицентричном мире / Под. ред. А.А. Дынкина, Н.И.Ивановой. М., ИМЭМО РАН, Весь мир, 2011. [Rossiya v policentrichnom mire] [Russia in Polycentric World. Ed. A.A. Dynkin, N.I. Ivanova]. Moscow, IMEMO RAN, Ves' Mir, 2011.

¹⁶ В.М.Д а в ы д о в. Эффект адаптационного реформирования. От Латинской Америки к России. М., ИЛА РАН, 2003. [V.M. Davydov. Effekt adaptacionnogo reformirovaniya. Ot Latinskoj Ameriki k Rossii] [The Effect of Adaptation Reform. From the Latin America to Russia] Moscow, ILA RAN, 2003.

¹⁷ Латинская Америка на пути экономической модернизации / Отв. ред. Л.Н. Симонова. М., ИЛА РАН, 2013. [Latinskaya Amerika na puti ekonomicheskoy modernizacii] [The Latin America in the Way of Modernization. Ed. L. Simonova] Moscow, ILA RAN, 2013; Латино-Карибская Америка в контексте глобального кризиса / Отв. ред. В.М. Давыдов. М., ИЛА РАН, 2012. [Latino-Karibskaya Amerika v kontekste global'nogo krizisa] [The Latin America and Caribbean Basin in the Context of the Global Crisis. Ed. V. Davydov]. Moscow, ILA RAN, 2012; Интеграционные процессы в Латинской Америке: состояние и перспективы. Аналитические тетради ИЛА РАН. Выпуск 22. М., ИЛА РАН, 2012. [Integracionnye processy v Latinskoj Amerike: sostoyanie i perspektivy.] [Integration Processes in the Latin America: State and Prospects] Analiticheskie tetradi ILA RAN. Vypusk 22. Moscow, ILA RAN, 2012; Н.Н.Х о л о д к о в. Латинская Америка: финансовая либерализация и перестройка национальных банковских систем. Итоги и проблемы. М., ИЛА РАН, 2009. [N.N. Kholodkov. Latinskaya Amerika: finansovaya liberalizaciya i perestrojka nacional'nyh bankovskih sistem. Itogi i problemy] [Latin America: Financial Liberalization and Restructuring of National Banking Systems. Outcomes and Challenges] Moscow, ILA RAN, 2009; Страны Латинской Америки и Карибского бассейна в ВТО / Отв. ред. Л.Л.Клочковский. М., ИЛА РАН, 2008. [Strany Latinskoj Ameriki i Karibskogo bassejna v VTO] [Countries of Latin America in WTO. Ed. N. Clochkovskij] Moscow, ILA RAN, 2008; Возможности и пределы инновационного развития Латинской Америки / Отв. ред. Симонова Л.Н. М., ИЛА РАН, 2017. [Vozmozhnosti i predely innovacionnogo razvitiya Latinskoj Ameriki] [Opportunities and the Limits of Innovative Development. Ed. L. Simonova] Moscow, ILA RAN, 2017.

¹⁸ Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама / Отв. ред. З.В.Ивановский. М., ИЛА РАН, 2015. [Latinskaya Amerika: izbiratel'nye processy i politicheskaya panorama] [The Latin America: Electoral Processes and Political Panorama. Ed. Z. Ivanovskij] Moscow, ILA RAN, 2015; З.В. Ивановский. Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры. Справочник. М., ИЛА РАН, 2014. [Z. Ivanovskij. Latinskaya Amerika: elektoral'noe zakonodatel'stvo i vlastnye struktury] [The Latin America: Electoral Legislation and Power Structures.] Moscow, ILA RAN, 2014; Латинская Америка: Испытания демократии. Векторы политической модернизации. В 2-х томах / Отв. ред. М.Л.Чумакова. М., ИЛА РАН, 2009. [Latinskaya Amerika: Ispytaniya demokratii. Vektory politicheskoy modernizacii] [The Latin America: the Examination of Democracy. Vectors of political modernization. Ed. M.L. Chumakova] Moscow, ILA RAN, 2009.

¹⁹ «Левый поворот» в Латинской Америке / Отв. ред. В.П. Сударев. М., ИЛА РАН, 2007. [«Levyj povorot» v Latinskoj Amerike] [“Left Turn” in the Latin America. Ed. V.P. Sudarev] Moscow, ILA RAN, 2007; Л.С. Окунева. «Левый поворот» и демократия в Латинской Америке. *Международные процессы*, 2009, № 1. с.43-53. [L.S. Okuneva. «Levyj povorot» i demokratiya v Latinskoj Amerike] [“Left Turn” and Democracy in the Latin America] *Mezhdunarodnye processy*, 2009, № 1, p.43-53.

²⁰ Сила права или право силы / Отв. ред. Б.Ф. Мартынов. М., ИЛА РАН, 2004. [Sila prava ili pravo sily] [Power of Right or Right of Power. Ed. B.F. Martynov] Mosocw, ILA RAN, 2004.

²¹ В.П. С у д а р е в. Латинская Америка в геополитическом треугольнике США-Китай-ЕС. *Латинская Америка*, 2015, № 4, с. 4-13. [V.P. Sudarev. Latinskaya Amerika v geopoliticheskom treugol'nike SSHA-Kitaj-ES] [The Latin America in the US-China-EU geopolitical triangle]. *Latinskaya Amerika*, 2015, № 4, p. 4-13; В.П. С у д а р е в. Вашингтон в поисках новых подходов к Латинской Америке. *Международная жизнь*, 2016, № 3, с. 47-57. [V.P. Sudarev. Vashington v poiskah novyh podhodoov k Latinskoj Amerike] [Washington in Search of New Approaches to Latin America]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2016, № 3, p. 47-57.

²² В.М.Т а й а р. Евросоюз-Латинская Америка: контуры межрегионального партнерства в XXI веке. *Современная Европа*, 2015, №2, с. 72-84. [V.M. Tajar. Evrosoyuz- Latinskaya Amerika: kontury mezhregional'nogo partnerstva v HKHI veke] [European Union-Latin America: the Contours of Interregional Partnership in the XXI Century]. *Sovremennaya Evropa*, 2015, № 2, p. 72-84.

²³ А.А.Л а в у т. Выход США из Транстихоокеанского партнерства и перспективы латиноамериканской региональной интеграции. *Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов*. М., ИЛ А РАН, 2017. [A.A.Lavut. Vyhod SSHA iz Transtihookeanskogo partnerstva i perspektivy latinoamerikanskoj regional'noj integracii] [U.S. Withdrawal from the TRANS-Pacific Partnership and Prospects for Latin American Regional Integration]. *Latinskaya Amerika na perelome global'nyh i regional'nyh trendov*. Moscow, ILA RAN, 2017; А.А.Л а в у т. Региональное сотрудничество в области инновационного развития. *Возможности и пределы инновационного развития*. М., ИЛ А РАН, 2017. [A.A. Lavut. Regional'noe sotrudnichestvo v oblasti innovacionnogo razvitiya] [Regional Cooperation in the Field of Innovative Development]. *Vozmozhnosti i predely innovacionnogo razvitiya*. Moscow, ILA RAN, 2017; Д.В.П а з у м о в с к и й. Латиноамериканская интеграция выходит в мир. Перспективы для России. *Мировая экономика и международные отношения*, 2015, № 8, с. 82-91. [D.V. Razumovskij. Latinoamerikanskaya integraciya vyhodit v mir. Perspektivy dlya Rossii] [Latin American Integration is Entering into the World. Prospect for Russia]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015, № 8, p. 82-91; Д.В. П а з у м о в с к и й. Торговое сотрудничество Латинской Америки с внерегиональными партнерами. *Латинская Америка*, 2016, № 3, с. 5-21. [D.V.Razumovskij. Torgovoe sotrudnichestvo Latinskoj Ameriki s vneregional'nymi partnerami] [Trade Cooperation of the Latin America with Non-regional Partners]. *Latinskaya Amerika*, 2016, № 3, p. 5-21.

²⁴ История Латинской Америки от доколумбовых цивилизаций до 70-х годов XIX в. М., Наука, 1991. [Istoriya Latinskoj Ameriki ot dokolumbovyh civilizacij do 70-h godov XIX v.] [History of Latin America from Pre-Columbian Civilizations to the 70s of the XIX Century] Moscow, Nauka, 1991; История Латинской Америки. 70-е гг. XIX в. — 1918 г. М., Наука, 1993. [Istoriya Latinskoj Ameriki. 70-e gg. XIX v. — 1918 g.] [History of Latin America. 70-s of XIX Century — 1918] Moscow, Nauka, 1993; История Латинской Америки. 1918-1945. М., Наука, 1999. [Istoriya Latinskoj Ameriki. 1918-1945.] [History of Latin America. 1918-1945.]. Moscow, Nauka, 1999; История Латинской Америки. Вторая половина XX века. М., Наука, 2004. [Istoriya Latinskoj Ameriki. Vtoraya polovina HKH veka] [History of Latin America. The Second Half of the Twentieth Century.] Moscow, Nauka, 2004; История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI-XIX вв. М., Наука, 2010. [Istoriya Latinskoj Ameriki v mirovoj istoricheskoj i obshchestvennoj mysli XVI-XIX vv.] [History of Latin America in the World of Historical and Social Thought XVI-XIX Centuries] Moscow, Nauka, 2010.

²⁵ Ибероамериканская культура: инновационные процессы и государственная культурная политика / Отв. ред. Н.С.Константинова. М., ИЛ А РАН, 2014. [Iberoamerikanskaya kul'tura: innovacionnye processy i gosudarstvennaya kul'turnaya politika] [The Ibero-American Culture: Innovation Processes and Public Cultural Policy. Ed. N.S. Konstantinova] Moscow, ILA RAN, 2014; Испания и Латинская Америка: динамика культурных процессов в конце XX - начале XXI веков / Отв. ред. Н.С. Константинова. М., ИЛ А РАН, 2011. [Ispaniya i Latinskaya Amerika: dinamika kul'turnyh processov v konce XX - nachale XXI vekov] [Spain and the Latin America: Dynamics of Cultural Processes in the late XX - early XXI centuries. Ed. N.S. Konstantinova] Moscow, ILA RAN, 2011.

²⁶ В арсенале латиноамериканистов из Института мировой литературы РАН пятитомная история литератур Латинской Америки издания 1985-2005 годов, а также: Iberica Americans. Механизмы культурообразования в Латинской Америке: [Сб. ст.] / Отв. ред. В. Б. Земсков. М., Наука, 1994. [V arsenale latinoamerikanistov (iz Instituta mirovoj literatury RAN) pyatitommnaya istoriya literatur Latinskoj Ameriki izdaniya 1985-2005 godov, a takzhe: Iberica Americans. Mekhanizmy kul'turoobrazovaniya v Latinskoj Amerike: [Sb. st.] [In the Arsenal of the Latin American (From the Institute of World Literature RAS) Five-volume History of the Latin

American Literature Edition 1985-2005, as well as: Iberica Americans. Mechanisms of Cultural Education in the Latin America. Ed. V. Zemskov]. Moscow, Nauka, 1994; Ю.Н.Г и р и н. Поэтика сверхпределности. К интерпретации художественных процессов латиноамериканской культуры. М., АЛТЕИЯ, 2008. [YU.N. Girin. Poetika sverh predel'nosti k interpretacii hudozhestvennyh processov latinoamerikanskoy kul'tury] [Poetics Beyond the Limit to the Interpretation of Artistic Processes of the Latin American Culture]. Moscow, ALETEIYA, 2008; А.Ф. К о ф м а н. Латиноамериканский художественный образ мира. М., Наследие, 1997. [A.F. Kofman. Latinoamerikanskij hudozhestvennyj obraz mira] [Latin American Artistic Image of the World]. Moscow, Nasledie, 1997.

²⁷ Horizons 2030. Equality at the Centure of Sustainable Development. Thirty-sixth session of ECLAC. Mexico City, 23-27 May 2016.

²⁸ О.Н.Б у к о в. Международные отношения. Трансформация глобальной структуры. М., Наука, ИМЭМО РАН, 2003. [O.N. Bykov. Mezhdunarodnye otnosheniya. Transformaciya global'noj struktury] [International Relations. The Transformation of Global Structure]. Moscow, Nauka, 2003.

²⁹ F. F u k u y a m a. Falling Behind: Explaining the Development Gap Between Latin America and the United States. Oxford University Press USA, 2008.

³⁰ Современная организованная преступность в Латинской Америке и странах Карибского бассейна. Отв. ред. Б.Ф.Мартынов. ИЛА РАН, Изд-во «Весь мир», М. 2017 [Sovremennaya organizovannaya prestupnost' v Latinskoy Amerike i stranakh Karibskogo basseyna. Otv. Redactor B.F.Martynov [Contemporary organized crime in Latin America and the Caribbean]. ILA RAN, Izdatelstvo Ves' mir. Moscow, 2017.

Vladimir M.Davydov (davydov@ilaran.ru)

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director at the Institute for Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences

21, B.Ordynka Str, Moscow 115035, Russian Federation

Latin American studies of today: origins, results and perspectives

Abstract. Latin American studies have entered an era of scientific maturity. This statement is valid for the global context and for the domestic practice as well. The results are obvious: tens of thousands of books in the bibliography on Latin American issues, well over a thousand of monographic publications and thematic collections in Soviet and Russian periods in sum. Thanks to this circumstance, today in a multidisciplinary "scientific mirror" the region appears in all its diversity and mainly in an adequate light. But at the same time, new landmarks for searching the answers to many complex questions that Latin American practice raises in the context of a global transition to a different mode of reproduction of the world economy and international relations are also needed.

Keywords: Latin-Caribbean America, Latin American studies, landmarks of area studies.

DOI: 10.31857/S0044748X0005394-2

Received 30.04.2019.